

Имрей Ноам

Недельная глава Ницавим

24 Сентября

28 Элуля

בשפ"ב

Зажигание свечей

Иерусалим	17:55	19:10
Тел Авив	18:15	19:11
Хайфа	18:06	19:11
Москва	18:09	19:19
Киев	18:36	19:41
Нью Йорк	18:33	19:30

Что такое жизнь?

«... и выбери жизнь» (30:96).

Тора повелевает нам выбрать жизнь. Но что такое настоящая жизнь?

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, посмотрим, что Тора называет жизнью.

В Торе мы находим несколько раз упоминание «живые воды» (Берешит, 26:19, Ваикра, 14:5 и 14:50, Бемидбар, 19:17). Что это означает? Как воды могут быть живыми?

По мнению мудрецов (Сифри, 128), «живые воды» — это воды родника, поскольку они никогда не иссякают, изливаются постоянно. И именно поэтому мудрецы в трактате Пара (8:9) утверждают, что воды такого

родника, который периодически высыхает, даже если это происходит только раз в семь лет, не считаются «живыми водами». Отсюда вытекает, что понятие жизни связано с вечностью.

Подобное понимание жизни мы видим и в следующем изречении мудрецов (Талмуд, трактат Брахот, 18б): «Грешники даже при жизни считаются мертвыми, а праведники даже после смерти считаются живыми». Грешники своими грехами отдалают себя от Творца, от вечной жизни в будущем мире, поэтому и при жизни они считаются мертвыми. Праведники же, души которых даже после смерти связаны с Творцом, являющимся источником вечности, считаются живыми и после смерти, как сказала Авигаиль царю Давиду (Шмуэль I, 25:29): «...да будет... душа господина мо-

Недельная глава
рав Реувен Куклин

Канун Рош а-шана

Накануне Рош а-Шана говорят более длинные сличот. Во время сличот делают нефилат апаим. Утром же в молитву Шахарит и Минха не говорят ни нефилат апаим ни видуй. Есть такие, которые накануне Рош а-Шана постятся с рассвета до окончания Минхи, а после Минхи немного едят, чтобы не начинать Йом-Тов изнуренными. Тот, кто слаб либо болен, хотя бы немного, либо тот, кто непросто переносит посты, не должен поститься.

Утром не трубят в шофар, чтобы было различие между обязательным трублением (в первый день Рош а-Шана обязанность трубить из Торы, а во второй день – из слов наших мудрецов) и трублением, обязанность которого лишь обычай. Весь этот день следует заниматься изучением Торы, выполнением заповедей и раскаянием. Принято накануне Рош а-Шана, после утренней молитвы, пойти на кладбище, чтобы простереться на могилах праведников. Молитва, произнесенная в месте, где захоронены праведники, принимается Богом с большим благоволением. Однако запрещено обращаться непосредственно к мертвым, похороненным там, и просить у них что-либо. Следует лишь просить Бога смилостивиться над нами ради заслуги праведников, захороненных в этом месте.

Еврейский закон
Имрей.орг

Принято в этот день значительно больше денег на цдаку.

Весь этот день следует заниматься изучением Торы

Накануне Рош а-Шана стирают одежду и стригутся в честь Йом-Това (праздника). Следует проследить за тем, чтобы успеть постричься до полудня (тот же, кто не успел это сделать до полудня, может подстричься и до захода солнца). Окунаются в микву и надевают субботние одежды в честь Рош а-Шана, чтобы показать, что мы уверены в милосердии Его, благословенного, Который вынесет нам оправдательный приговор.

Принято накануне Рош а-Шана делать аннулирование обетов, чтобы не приходиться на суд Всевышнего с грузом выданных нами неисполненных обещаний, неосуществленных обязательств. Если же человек не понимает текста процедуры разрешения от обетов, произносимого на святом языке, пусть произнесет его на том языке, который он понимает.

«Минху» в канун Рош а-Шана молятся очень сосредоточенно: хотя она не отличается от молитв будней, — но ведь это последняя молитва уходящего года.

Тактика дурного начала

Недельная глава
Бархи Нафши

«Если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им» (30:14).

Рав Ицхак Каро (дядя рава Йосефа) комментировал этот стих, как "преступление, влекущее преступление" (Авот, 4:2) – раз засомневавшись, уже не станешь слушать слова Торы, и дашь дурному началу возможность тебя столкнуть. А оно, несомненно, столкнет.

Расскажу такую историю.

Накануне второй мировой войны между Германией и Польшей были очень напряженные отношения. Германия требовала отдать ей Гданьск, который находился в глубине польской территории, окруженный с трех сторон. Польша отказывалась, Англия и Франция ее поддерживали. Германия выставила ультиматум. Никто не знал, что произойдет дальше. Гитлер по своему обыкновению обвинял евреев в разжигании войны и в подстрекательстве поляков, которые и без того не очень-то любили евреев. В общем, в один из дней ко мне подошел глава ешивы, рав Авраам Яфен, и сказал: «Кончился хлеб, а если нет муки – нет Торы. Еврейская пекарня пообещала снабдить ешиву хлебом, но я не могу послать студентов принести его, потому что поляки в данной ситуации способны прикончить любого еврея, появившегося на улице. Ты же – низкого роста и можешь притвориться подростком, тогда они не станут тебя трогать. Ступай в еврейскую пекарню и попроси, чтобы они набили твою сумку хлебом, как было обещано».

Я вышел на улицу, где напряжение прямо висело в воздухе. Спросил одного поляка, в чем дело, и тот ответил, что на центральной площади люди готовятся слушать

радиотрансляцию речи польского президента, в которой он должен дать ответ на ультиматум, выдвинутый Гитлером. Через пять минут трансляция начнется, и все ждут, примет ли президент этот ультиматум, и опасность войны пройдет, или же он откажется исполнять требование вернуть Гданьск.

Все спешили на площадь, и я затесался между ними. Из громкоговорителя раздался голос президента: «Дорогие граждане! Немецкий канцлер требует передать ему Гданьск, в противном случае он угрожает развязать войну. Я знаю, что значит война, и какую цену нам придется заплатить. Если бы я был уверен, что он желает только Гданьск, я бы его передал. В нашем владении множество портовых

городов. Но я знаю, что он ненасытен. Он желает заполучить Варшаву, а Гданьск – это только начало. Он еще выдумает способ. Так зачем мы будем отступать и отступать, чтобы затем сражаться у стен столицы – мы будем сражаться уже сейчас!»

Это была речь, с которой началась война. Пекарня была закрыта, хозяева пошли слушать эту важнейшую речь. Остаться на улице было опасно, и я вернулся в ешиву с пустыми руками. Хотя не совсем пустыми. Я говорю: «Хлеба я не нашел, но взамен я принес нравоучительную беседу!» «Беседа? Кто ее с тобой вел?» «Сам польский президент, была прямая трансляция на городской площади». Все рассмеялись, но я был настроен серьезно. Ведь дурное начало, подобно канцлеру Германии, тоже приходит с маленькими требованиями. Всего-то там, Гданьск. Но умный человек поймет, что сегодня оно говорит тебе "сделай так", завтра говорит "еще и так", а в конце говори "иди, служи идолам", и бой идет уже за Варшаву.

